

Александр РАТКЕВИЧ

ВЧЕРАШНИЕ ВЕРЛИБРЫ АВГУСТА

Стихотворения. Седьмая книга
(1974 – 1978)
2006

© А.М.Раткевич

«Вчерашние верлибры августа» – седьмая книга стихов Александра Раткевича, отображающая духовный мир автора в уже далёкие семидесятые годы XX столетия. Однако пульсирующие переживания литературного героя, его сознание, мечущееся между кровоточащими ранами чувств и социальными шрамами по-прежнему созвучны нашему времени».

- Мама, а что это на небе?
- Звёзды.
- Звёзды? А что они делают?
- Ничего.
- Тогда зачем они там?..
(Детский лепет)

VERS

Задремавшее жнивье.
Август, как котёнок,
тело сытное своё
вытянул спросонок.

Лето ластится к щеке.
Мил котёнок, прыток.
А на солнечном клубке
вьются струи ниток.

1. * * *

В густом потоке похвал и восхвалений
поклонников (сорвись!) и непоклонников (плевать!),
в шуме восторженных рукоплесканий
публики пылкой (ещё!) и мягко взыскательной (сойдёт!),
в преддверии плодородных дум:
имею право или тварь (хотя бы не дрожащая)? –
важно сохранить больше, чем чуть-чуть,
седьмое чувство – себя.

2. * * *

Все затаённо думают о славе:
и талант истинный, и полуистинный,
и даже тот, который без таланта.

У каждого есть драгоценнейшие мысли,
что хранит он втихаря
от близких и от посторонних.

Любому хочется, если не букет,
то хотя бы одну розу оставить
в руке – холодной, мраморной...

3. * * *

Лил бесконечный дождь.
И я понял: лишь ненормальный
выйдет из дома в такую погоду...
Но слышу – звонок; бегу к двери, открываю.
Ты? Ты!? Ты?! Ты!
Капли дождя, словно слёзы,
зигзагами скользят по щекам,
волосы промокли до нитки,
губы вздрагивают, как после поцелуя...
И я знаю, что всё на свете
придаёт свежесть и обворожительность твоему лицу.

4. * * *

Любовь-то моя на чём держится?
На одном волоске с твоей головы.
А он так тонок, что я не верю
в его надёжность... И
упадёт она, беззащитная, под ноги.

Любовь-то моя, как листья августа,
боится резких ветров.
Каждое твоё слово – для моей любви риск.
Оторвётся? Упадёт она?..
И незаметно затопчут прохожие.

5. СЕМЬ

Как преломляется свет,
проходя сквозь тело кристалла,
так преломились взгляды мои,
пройдя сквозь твои чувства,
и теперь не на час, не на миг,
а навсегда: у меня будут
свои семь цветов.

6. НЕУСПОКОЕНИЕ

Как трудно уберечь в себе покой...
Я вспоминаю Вас.
Нет-нет – я помню Вас:
всю – от рождения до этого мгновенья.
Я вижу Вас серьёзной девчонкой
и взрослою, смеющейся, весёлой..

Вы говорите.
Голос Ваш всё тот же:
не изменился и не огрубел.
Идёте Вы.
Строго походка, так же
она влечёт к себе моё вниманье.
Одна идёте Вы.
Задумавшись. Над чем?
Но это Ваше – требовать не смею.

И всё-таки покой не убережь.
То день волнений,
то день печалей,
то радости короткий день.
Я помню Вас:
подёргиванье губ,
зрачков внимание,
прикосновение пальцев к приподнятым бровям.
Я ощущаю Вас.
Не тут, не рядом; не вздохи Ваши,
не поцелуи, не объятья,
а Вас, ушедшую,
не оглянувшуюся,
я ощущаю.

Покой не убережь, не убережь
ни памятью,
ни перенапряжением чувств.
Вы – Ваши мысли, Ваш голос,
согласья-несогласья Ваши,
сладкий сон, пробуждение –
моё неуспокоение.

7. * * *

Ну вот, а ты говорила, что имя твоё непоэтично.
Теперь ты довольна и, надеюсь, слова свои заберёшь назад.

Пришли эти непредчувствованные дни,
когда не слышу, не ожидаю зрительного появленья
некогда охраняемого имени твоего.

Было: искал у него необычные ноты
и краски, самые броские, может быть,
но никогда – несчастные.
Уходил от него, отбивался,
прятал куда попало: в карманы, в стол –
только бы не превратилось в привычность.

Было: показывал и объяснял – другим.
Всем нравилась эта беспрекословность и полнота имени,
это богатство и полифоничность смыслов,
эти метафоры и медитативность имени.

И даже, казалось, завидовали. Ка-за-лось.
Было ли – не было? Не было – было ли?...

Ну вот, а ты говорила, что имя твоё непоэтично.
Теперь ты довольна и, надеюсь, слова свои заберёшь назад.

8. СОГЛАСНОСТЬ

Вот я гляжу на скрипучий песок и кажется, что я такой же песок.
Вот я гляжу на дрожащий воздух и кажется, что я такой же воздух.
Вот я гляжу на молчащий ручей и кажется, что я такой же ручей.
Вот я гляжу на задумчивый камень и кажется, что я такой же камень...
Я могу смотреть на что угодно, но всё равно
мне будет казаться, что я *то*, на что смотрю.
И если когда-нибудь встретятся наши взгляды,
мне вновь покажется, что твой взгляд – это мой взгляд.

9. КРЫСА

У нас в подвале родилась крыса –
и на свете стало на одну несчастную больше.
При первом же появлении молоденькой крысы на видном месте
её все возненавидели до мозга костей и до безумья:
собака истерично лаяла на неё, коты, как и слабые люди,
боялись и обходили стороной, озираясь;
даже летучая мышь – её родственница дальняя -
разинув от писка свою ярко-красную ляпку,
готова была плюнуть в глаза маленькой крысы.
Все эти совпавшие обстоятельства – или несчастья –
её, неопытную, привели к разочарованию в жизни.
Она забилась в груды кирпичей, вонючую и сырую,
куда из верхнего мира ничто не попадало,
кроме, правда, воды, но это только ухудшало положение,
растущей с ненавистью ко всему и ко всем, крысы...
На днях она схватила кота за горло,
ему удалось спастись лишь благодаря её недостаточной силе.
И вот, после этого инцидента летучая мышь стала летать выше,
собака заглядывать в подвал прекратила,
а люди расставили капканы.

10. * * *

Боль разума рождает поэтов
где-то рядом: во дворах, в переулках...

И кажутся поддельными (кому?)
их улыбающиеся глаза.

По асфальту, по прибрежным тропам
ветер катает комочки бумаги.

Почерк выцветший (совсем-совсем),
незнакомый и неживой...

А лица уже загорели,

наполнились запахом света.

Лишь мимика напоминает всем,
что приспособливаться к боли – смерть.

С каждым вечером, с каждым дождём
всё заметней становится эта боль.

11. * * *

В последние дни биение пульса учащается.
И ноги спешат изо всех сил, и руки.
Мозг требует предельное количество кислорода,
чтобы не задохнуться. Глаза мельком
успевают измерить рост, вес, красоту.

На губы наслаивается безвкусная плёнка пыли,
но губы привыкли и не замечают этого.
В грудной клетке от нехватки места мучаются лёгкие.
Им душно: на зеркальную поверхность просачивается пот,
течёт по ней и снова впитывается в неё.

В последние дни биение пульса учащается.
Артериальные каналы открывают все свои плотины.
Вены работают на полную мощность.
Сердце подобно атомному реактору.
О смерти умолчу. Она не в счёт.

12. СОПРОТИВЛЕНИЕ

Именно в безветренность
ветер отголосков резок.

Руки думают лишь об одном-единственном:
закрывать плотней окна и избежать сквозняков,
успеть до искусственного освещения,
до полнолуния зрачков.

Свист не спадает с серых волос.
Резко. Резко. Чересчур резко.
Куда же отвернуться от этих отголосков?
От этой смутной позитивности?

Места вокруг очень знакомые,
обжитые обувью, испытанные взглядами,
исчерченные контрастными голосами
и выжженные неуместным молчанием.

Над макушками деревьев, над
головами гуляющих, над скамейками,
над урнами вздрогнули люминесцентные лампы
и умерли звёзды-светляки.

Всё потекло в мозг.

13. ПОСЛЕ ОДИННАДЦАТИ

После одиннадцати закрываю окна,
чтобы в комнаты не попадала излишняя тишина.

Органы слуха здесь не при чём.
Для ощущения своей потенциальной плоти
нужны иные – не болевающие – органы.

Особенно пронзительно проникновение в себя
в нейтральный период сна.

В сосуд времени ритмично капают секунды.
Кругами расходятся – или сходятся – минуты.
И в час превращается колебанье поверхности.
После одиннадцати окна мои закрыты,
и в комнаты не попадает излишняя тишина.

Нет – это не мерило.
Для определения своей потенциальной плоти
нужны другие – не останавливающиеся – течения.

Ночью желудок переваривает сон.
Днём - варево из... и тому подобное.

Для удовлетворения своей потенциальной плоти
нужна особая – не портящаяся – пища:
белки мысленного происхождения.

14. ОТРИЦАНИЕ

Я выйду на берег,
остановлю часы мозга,
распрямлю тугие пальцы,
высушу на солнце губы
и вырву свой язык
лишь при одном условии –
если оборвётся моё последнее пространство,
т. е. тело. Остальное не в счёт.
Но этого произойти не может.
И я никогда не выйду на берег.

15. ГРАДАЦИЯ

Надо мной можно сколько угодно улыбаться,
ведь я всё равно не замечу этого,
и моё сердце останется в прежнем равновесии.

И смеяться надо мною тоже не запрещено,
а когда нечто подобное произойдёт,
то особого влияния на моё сознание это не окажет.

Но если ты будешь надо мной насмехаться,
моё лицо превратится в упавший метеорит
и самые чёрные места на нём станут моими глазами.

16. * * *

В руки падает свет
недосягаемых звёзд.

В тучные ночи
ярко светятся пальцы.

Когда лежу, раскрыв ладони,
думая о своём,

спрашивают,
не думая:

зачем тебе в чёрном мраке
светлячки? И так всего много.

Гм... Ведь в этих тучах, как в зеркалах,
отражается всё, отражаются все.

Просто трудно увидеть,
когда светлеет, очень светлеет.

Вот отпечатки моих пальцев:
Алые-Алые.

17. ПИСЬМО ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ СВЕТОВЫХ ГОДА

В руке карандаш с нестирающимся графитом.
Теперь я могу представить
твой образ света,
твой образ тьмы.

У тебя малиновые глаза,
цветные воспоминания.
У меня четыре дня,
звёздный сад
и созвездие Центавра.

Буду смотреть буду дышать буду светом.

Трудно подумать, что в этот день,
в этот час, в эту секунду,
в этот миг,
там, ты любишь меня.

В каждой реснице преломляется луч,
медленно падает в расширяющийся зрачок,
проходит капилляры,
сок эмоций
и превращается в голос звёзд.

В голос в голос в голос в голос.

Колос расцвёл
бордовыми лепестками.
ресницы заколосились,
белые-белые.

Сам карандаш рисует:
жёлтые губы,
лиловые груди,
белые веки...
И нескончаемые потоки тьмы.

Но ты ли но ты ли но ты ли?

Мы не были вместе – ни здесь, ни там,
не обдумывали совместные полёты
на экзотические планеты,
зато сквозь запах бездомной пыли,
сквозь реки мглы
мы разглядели друг друга
и . . . . .

18. БОЯЗНЬ

На мне отпечатки твоей любви.

Ноги замерли,
боясь раздавить
хрупкие косточки жёлтой малины.

Плечи вжались,
чтоб не задеть
красные ягоды на склонённом кустарнике.

На мне отпечатки твоей любви.

19. КАМЕННЫЙ СОК

Из каждого камня
рывками
растут цветы:
чёрные, белые,
больные, здоровые...
Они питаются каменным соком?

Под каждым камнем
бледные
ёжатся черви.
Им хочется сока,
каменного сока;
но только собственную слизь
слизывают они с каменной чешуи.

У каждого камня -
глубокий кусочек неба.
Кажется, почему бы камню
не выделить небу
целебного сока...
Но только сухие поры
шершавой поверхности камня,
как ямки опустошённых *глаз-ниц*,
смотрят вверх.

Так чем же цветы живы?
И каждому ли камню
дана
цветочная жизнь?...
Рвёт ветер стебли.
Разбрасывает лепестки.
И бесполезно стекает и гибнет
каменный сок.

20. * * *

Сыро кругом. Дождит.
Мокро даже коленям.

Из каждой, самой маленькой, ветки
сочатся обжигающие капли.
Запах древесной коры
вливается в мозг алкоголем.
Всё представляется влагой,
плотью живой воды...
Слышу твои шаги,
люющиеся криницей.
Слышу шелест волос,
похожих на бурные волны.
Слышу течение крови

в венах твоих.

Сыро кругом. Дождит.
Мокро даже коленям.

21. И ВНОВЬ

По хрупким рукам,
по пальцам хрупких рук
сыплется на веки, на губы
интонация слов...

И вновь мой синий лес расцветает.

Чёрная черника очень сладка.
Щёки сжимаются, язык прилипает к нёбу.

. . . . .
Двадцать тропинок - и все истоптаны ногами:
моими и её, её и моими.

Вчера она заблудилась.
Я ждал её до утра.
Утром начал поиск.

Нет. Или я закружусь в этажах,
или – разобьюсь
о деревья.

Скоро покрылись веки потом.
Запылилась кожа неутомлённых губ.
Я стал и груб, и злобен.
Подолгу рассматриваю скамейки:
цветные бруски, опоры чугунные.

И вспоминаю:
она мне всё объяснила:
я тебя нашла, полюбила, приголубила...
а теперь отвергаю.
Вот эпилог.

Всё в тебе:
обаятельность строк, осязание мысли.
Вечернее опьянение мелодикой.

Волосы высохли, как цветок без грунтовой воды.

А утром снова прохлада и сиротливость,
хотя

что-то из прошлых дней – рядом,
что-то обжигает память,
что-то остыло...

Только б одну, самую последнюю
весть.

22. * * *

Может быть, нам не хватает терпения?
Всё хочется сделать – вмиг.
И потому в недостижимом вязнем.

Груда споров, пустошь молчаний.
Надо много. Не надо вовсе –
нет ничего и... довольно.

Словно миг – это час, а час – это рывок.
И, как лето зимой, выплывают сроки
после первой чёрной утраты.

23. * * *

Чёрная Роза
медленно растёт
в моём спящем мозгу.

Утром подымаю веки
только для того, чтоб
напоить её солнцем.

Если б я мог видеть иначе,
стала б эта роза
образом твоим.

Там, за краем взгляда,
где нет ни луны, ни сна,
стыло б отраженье...

24. * * *

Ты теперь
не на моей ладони.
Иду...

Сквозь перезревший яблоневый сад.
Плоды сыпятся на голову, на плечи.
Роса холодит ступни.

Ещё миг до восхода солнца.

Ещё шанс, чтоб не просыпаться.
Ещё-ещё-ещё.

И ты
теперь
не на моей ладони.

25. ТОЛЬКО ОТГОЛОСКИ

№1

Ещё бы день...
Ещё не берег, не песок, не трава,
а сердце замерло, закружилось...

№2

В то утро с яблонь падали плоды.
Румяные, они бились о землю.

Холодно...

Дрожали челюсти, рёбра, суставы.
Но это всё мне казалось, снилось.

Лишь ты – не казалась и не снилась.
Вот дом,
вот калитка,
вот сад...
бельё, выстиранное тобой.

№3

Мы были неразговорчивы, скрытны...
Уходит в неизвестное совместный поиск.
И
уходят в небытие
ещё не выцветшие были...

А девушка-любовь проснулась, поднялась.
Идёт навстречу. Осторожно.
Рука, протянутая ко мне,
хладнокровна и обаятельна одновременно.

№4

Вот как!?.
Ты вновь полна разочарований:
отвергла не мечты, а письма,
рассуждения, жалость.
Не рада мне...

За окном переливаются плоды:
яблоки – большие
и

гроздь винограда – крохотные.

№5

Забудь о неосуществлённых встречах.
Они, не прожитые нами, скоропостижно
родившись, скончались. Мир праху...

Но ведь одной...
Ты будешь каяться...
Что ж я?..

№6

Мне было нелегко отдышаться:
поля без края, без горизонта
наполняли нас летним маревом,
похожим на явь и выдумку.
Вот где ты вся – настоящая.
Естественная, глубокомыслящая.

Смотрю в тебя: в скрытые думы,
в измученное сердце,
во вздрагиванье мышц,
в горячие артерии и вены...
Смотрю – и обнаруживаю
одну неприкосновенность.

№7

За час, за пять минут, за миг
до отъезда
я был ещё не один...
Ещё бы день.

№8

Потом
я, видно, кое-что забуду;
ты, видимо, вспомнишь кое-что.
Войдём друг в друга, согреемся...
Наверно,
ты тоже думаешь таким образом.

Вот почему не кричу: скорей.
Вот почему ты подсказываешь:
не спеши...

26 * * *

После брызг дождя
после обломков ветра
после мучительной тьмы
после бессонного покоя
после тебя –

я вновь ищу
брызги дождя
обломки ветра
мучительность тьмы
бессонный покой
и тебя

27. МУРАВЬИНЫЕ СЛЮНИ

Всё – от Водорода.
Свет, железо, пыль
и самые бесцветные глаза.

Муравьиную пирамиду
сожму в одной ладони,
чтобы капал, капал.
капал Водород.

Натяну на серебряный диск Луны
свои ушные перепонки,
зрачки натяну на пальцы
и начну выстукивать дробь.

Нужно видеть и ощущать глубже,
чтоб постичь
муравьиный дом.

Я смотрю не сверху и не снизу,
а с ребра.

Как течёт громоздко,
превращаясь
в солнцемолекулы, М. С. Водород.

Проходи мимо!
Не рассматривай много! –
заболят хрусталики.

Всю оставшуюся жизнь, всё лучшее время
после жизни
тебя будет мучить хворь
по этому видению.

Стекают с пальцев моих муравьиные слюни.

Не поскользлись
о лунный отблеск.

А выгорят звёзды,
не жалея, не жалея –
свои зажигать научись:
намного лучшие!

И Земля, и земля – от Водорода.

Холм. Страх. Жалость. Водород.
Спускается караван муравьёв.
Бездомных уже и
изгнанных...

Нам нужны города –
им нужны муравейники.

Мы спешим в космос –
они до заката Солнца.

Потому я смываю с пальцев
остатки муравьиной слюны.

28. * * *

Когда первый человек вылутился из яйца,
солнце стояло над ним, склонившись,
с грудью, полною молока;
деревья плодоносили круглый год.

Когда первый человек сделал первый шаг,
земля старалась не волноваться,
чтобы не нарушить равновесие человеческого тела;
небо жило в замершем состоянии.

Когда первый человек возмужал
и ушёл на войну (на войну?..),
солнце, небо, деревья, земля надеялись,
что он отправился не убивать...

29. ЗЕМЛЯ МОЯ

Медное солнце. Розовые облака.
Моё тело окутала девичья осень,
но лицо моё – всё в огне.

Там, за жёлтой простынёй поля,
где снег вырождается в песок,
я превращусь в мумию.

В каждой ноте майских птиц
узнаю я мелодию первой жизни,
когда ноги, ступая по ярой земле,

оставляли на ней бесцветные отпечатки.
Много лиц промелькнуло и много лет.
Доцветает август. Блестит стеклянный
асфальт.

30. В ШЕСТЬ ЧАСОВ

Белые, словно солнце, лица.
Красные, как луна, зрачки.

В шесть часов
видим полночное эхо:
вселенский лепет любящих,
последние вдохи убитых,
первые мысли живых.

Белые с красными зрачками
лица.

31. ТАМ, ЗА НЕВИДИМЫМ БЕРЕГОМ

Чёрный атлас неба плотно укутал задремавший город.
Мои мысли, уснувшие поздно, разносятся копьями ветра.
Воды реки прислушались к моему дыханию.

Бардовая дрожь неона разбудила хрусталики глаз.
Я подымаю своё тело и выношу его на улицу.

Жёлтый берег полон следов, парных и одиноких.
Возможно, и я оставлю здесь подлунный свет.

Красною пылью режет мои глаза память о первой минуте.
Ровная гладь реки отражает алые блики белков.

Там, за невидимым берегом, скрыты мои дни...
Руки устали. Пора возвращаться в мякоть кровати.

32. ПАДЕНИЕ ЛУНЫ

Падение луны осталось незамеченным.
Ночь не одела белое платье.
Итог: и дым над моей головой
напоминает пепел сожжённых звёзд.

В моих неясственных руках
кристаллы надвое расколотых зрачков.

Сожму ладонь – ночь беспощаднее смерти.
Взойдёт ли вновь большеглазая луна?..

33. * * *

Словно острым ножом, режет ветер моё лицо.
Льётся из ран рябинная кровь
(неужели осень по-прежнему необратима)
и застывает на ладонях, между пальцами...

Ноги вязнут в траве, очернённой ночью.
Думается о сердце, пульсирующем ради
то ли не наступившей жизни, то ли прошедшей смерти.
Там, за углом пространства, сочится просвет.

Тьма рождает цель. Свет – только сонная надежда.
Сквозь красные разрезы тела и того,
что скрывается глубже, чем внутри,
я вижу свечение неугомонного пульса.

34. * * *

Медный луннообразный обломок,
потомок потухших звёзд,
медленно плывёт по моим зрачкам.

Сквозь дебри поднебесной памяти
я затаённо пытаюсь разглядеть
в его лице знакомые мне лица.

Но резче других просачивается
полупонятная чья-то мимика,
полуявные чьи-то морщины

Прищуриль веки, я начинаю
подробно изучать черты
то ли луны, то ли лица...

Было в нём отдалённо любимое,
исцеляюще-звёздное,
ласкающее мою память.

35. ХАЙКУ

Перенесу на утро:
следующий день
и бодрость духа.

36. * * *

Перед входом в белоснежный город
стоят хрустальные деревья.
Того, кто не выдерживает и отворачивается,
они ослепляют.

Перед входом в белоснежный город
взгляд должен быть ясным, как зрачок солнца.
Там, в точке слияния параллелей и преломлений –
все краски тьмы.

37. КРУГ

Ветер-огонь, огонь,
сжигает мою кожу,
и пеплом она падает
возле обугленных ног.

Кости убелённых рук
рвут облегающий ветер,
и круг замыкается –
последний круг жизни.

Медленно отзвук
из раскалённого центра
чёрными рукавами
выплёскивается наружу.

Первый вдох,
первый крик,
первый сон,
первый взгляд...

неугомонно слышу,
гляжу, ощущаю;
и, вывернувшись наизнанку,
обнаруживаю бесконечность.

В круге зарождаюсь,
словно рыба-лягушка,
из круга-болота, болота,
пытаюсь вырваться.

Летят зелёные стаи
вдохов, молчаний, криков
пожирают серую мошкарку
взглядов, снов, выдохов.

И, возрождаясь из пепла,
разрываю замкнувшийся круг,

чтобы через бесконечность
найти выход. Искомый.

38. БЛЮЗ
(Из цикла "Концерт")

Бережно и аккуратно я храню контуры
незавершённой любви.

В кувшине ладоней беззаветно выращиваю
лепестки бесцветных роз.

И концентрирую самые богатые и глубинные
источники чувств.

. . . . .
Голос чёрного беспокойства робко соскальзывает
с голого тела.

Тело, белея, вязкий воздух – охапками –
властно вдыхает в себя.

И выдыхает, придя безвозвратно и безбоязненно
в ноль-равновесие.

. . . . .
Однажды рождённый, я иду туда, где привольнее
и где мысль льётся вширь.

Где значимость "я" и "ты" вне мантии
и вне гаммы цветов.

И поднимаюсь во весь рост, чтоб в эту даль-дальнюю
все - с розами – спешили.

39. * * *

Я лежу на белокипенном песке,
страшно зажмурив глаза.
В моём кулаке трепещет солнца луч.

И, сжимая кулак до дрожи,
слышу, как обжигают мою кожу
синие-зелёные-красные капли.

Осторожно приподняв веки,
я пытаюсь нащупать взглядом
эти созданья космоса.

Но они, словно нервные атомы,
светятся в разные стороны,
соскальзывая с моего тела.

. . . . .
Стали чёрными пальцы на правой руке.
Скоро на ладони проступит кровь.
Руку спрятав в карман, я возвращаюсь в город.

40. НОЧНАЯ ПТИЦА

В городе слышны ночные птицы:

льющееся из ладоней пенье,
никогда не обернётся обманом
и не спеленается истиной.

Ты не была ни лучшей, ни красивейшей,
не проплывала над городом облаком,
но превратилась в ночную птицу.

41. * * *

Режет глаза августовский свет.
В Белом городе
белыми кажутся голоса.

Боль не даёт приподнять веки,
решительностью
проявляя своё забвение.

Слёзы, любящие волю,
на этот раз
не подают признаков несогласия.

Не для себя, а своим чувствам в угоду
сквозь Белый город
иду навстречу белым воспоминаниям.

42. * * *

Пять пальцев правой руки.
И каждый – цветочный стебель.
Пять пальцев – почти букет.

Однажды, когда я уйду в землю,
освободившись, как на войне,
и от жизни, и от смерти,

там, наверху, не теле земли,
стареющей медленней, чем...
червлёные отпечатки моих пальцев

прольются цветами.

43. * * *

На этих улицах я примелькался.
Зрачки светятся привычно и тускло,
хоть солнечно, хоть сумрачно.

Моё неразговорчивое сердце
уже от других неотлично,
а другие неотличимы от меня.

И если я, просмотренный насквозь,
не превращусь в прозрачное стекло,
то не всё кончено, и жизнь – не зря.

44. * * *

Чёрная пасть неба
испускает ночной свет.

Все отворачивающиеся – слепнут,
желающие прозреть – становятся зорче.

Бездонная пропасть вселенной
смотрит в них ненасытным глазом.

Чуткий океан материи
колышется, укачивая

падающих на колени,
свечкой сгорающих и гаснущих...

Отвернувшись, охваченным сном,
уже никогда не очнуться.

45. * * *

От моего сердца к твоему сердцу
протянута одна-единственная струна,
когда она трепещет, мы ощущаем
созвучие сердцебиений.

И нас обжигает одинаковая жажда:
услышать не только сознанием,
но и почувствовать плотью
одну-единственную мелодию: ля-ле-ля-лю-лю.

46. ОТЗВУК

Когда я убегал, закрываясь рукою,

от бесконечного потока пыли,
мне являлся твой голос и
внушал: "Важно больше рассуждать,
когда пишешь мне письма
и задумываешь навестить меня,
иначе столько наделаешь ошибок,
что вся..."
"Но мною руководила любовь..."
"Тем более!"

47. ЗАДУМЧИВОСТЬ

Под не выцветающим небом,
среди рассыпающихся камней и деревьев,
у плачущих вод, над вчерашними листьями
бывает самая первая боль
и самый первый оргазм.

48. * * *

Мне нужен холод
и мне нужна ты.
Я жажду покоя
и жажду тебя.
Как между этими словами,
так между нами –
бескровная незримая война.

49. * * *

Я – странник. Мой корабль
целеустремлён
в безбрежные просторы.
Но в самую бурную погоду
и в самое безветрие
меня
и мой корабль прибывает
всегда к одному и тому же берегу.
И этот берег – моя отчизна.

50. ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ

"до"

Сегодня угнетённый спать ложусь.
Ночь будет затаив дыханье жить:
надежда,
утешение,
подруга.

"ре"

Уйти в сновиденье и там очнуться,
и увидеть жизнь – поток сновидений –
удел
и мечты
суеверных.

"ми"

Сто томов зависти продаются бесплатно.
Один том жалости и в простом переплёте
равноценен
твоей
жизни.

"фа"

Слова, выпавшие из твоего сна,
но сохранившие свою первозданность,
дороже
любого
признанья.

"соль"

Я хочу иметь одно солнце, а ты – тысячу,
но для тысячи солнц нужно иметь
одну
тысячу
жизней.

"ля"

Ночью листья взволнованных деревьев
говорят не о своём сне.
Они сквозь крик ветра
шепчут
о всех
убитых.

"си"

Главное в жизни:
а. излюбленная еда,
б. пуховая постель,
в. мистичные мысли,
и. внезапный стук смерти.

51. * * *

Я совершенно отвык от объятий и поцелуев.
В городах, существующих
на фундаменте шума и люминесцента,
быть нежным почти невозможно.

Лишь ты,

нанизывающая мой голос на нить своей памяти,
как бисер, лишь только ты
маленьким желанием чаще со мной встречаться
сможешь вновь приобщить меня
к объятиям и поцелуям.

Ведь в городах, существующих
на фундаменте шума и люминесцента,
важно, чтобы мы были нежными.

52. СОЗЕРЦАТЕЛЬ

а

И окна, закрытые зимой наглухо,
умеют душу открывать настежь.

б

Слова, выпавшие из рук,
но сохранившие первозданность,
дороже любого признания...

в

Красный шар на горизонте
ребёнок, выплеснутый тучей.

г

Как удаляются галактики, так удаляются дни.
Что прошли – ещё дальше уйдут.
Что не сбылись - не сбудутся.

д

Изранен я, словно
камень после ливня.

е

Листва не хрустит – она вздрагивает,
так же, как я, когда меня давят
подошвой словесной обуви.

ё

Небо – гигантский зонтик, меняющий цвета:
то серый, то чёрный, то голубой, то зелёный;
кажется, возьмусь за ручку зонтика своей рукой
и подыму... Но где ручка, где она, где?..

53. НА БЕРЕГУ

Серая прохлада
с вожделением искажает моё лицо.
Сквозь желть умирающих листьев

проступают юные лики ненаглядной Двины.
И там, позади, углы засыпающих зданий
сжимают моё красное сердце...
Ты пишешь теперь бесцветные письма.

54. ДЕНЬГИ

-I-

Металлический звон,
неутихающий.
Бумажный шорох,
крику подобный.
Сладкие, сладкие, сладкие
дни.

II

Если тебе не даёт покоя
скупость,
то спрячь подальше ладонь
с пятернёй.

III

Металлорежущая боль,
проникнув в сердце, оставляет отпечаток,
похожий на горячую полночь.
И вновь
через каналы артерий-лет
проступает день, что
не преодолён, не пройден.
Лучами стелется его лик.

IV

Передо мною города,
укутанные плотно одеялом-дымом.
Сквозь этот сумрак,
сквозь в небо упирающиеся дома –
собачья гонка за деньгой собачьей.

V

Там всё иначе.
Бумажные ограды, стены, окна...
и любовь.

VI

Зрочки – желанные монеты.

VII

Ступая каменеющей ногой
по мягким человечьим душам и телам,
возможно ли остановиться и вдруг
прислушаться к доносящимся крикам.?

Храня за округлённой спиной
разливы цветных миллиардов,
возможно ли в бокалы истощённых рук
вливать золотистое вино монет?

В конце, почувствовав старость в суставах,
всё чаще уходя в себя, как в пещеру,
возможно ли свой длинный путь
зачеркнуть коротким словом: смерть?

VIII

Вещность где? – продана.
Вьюжность где? – продана.
Радушные? – тоже продано.

IX

Врастая в чернозём корнями бурных размышлений,
оставляя след-шов, не забывая,
что я полностью ещё не ушёл
от металлических всплесков.

X

От любви, ворующей и продающей,
наползающей на сердце тракторными гусеницами,
я ещё не ушёл.

XI

О, как всё смахивает на вражду.
Среди выражений денежных ликов
от денег никуда не денешься,
даже попытавшись умереть.

Что я? и моих рук изгибы?
Скомкать, как ткань, свой дух?
Или обречь на крушение
разрекламированный мир.

XII

Не я тебе мил сегодня, завтра, после...
а сладкий миф.

XIII

Я жив и я не жив,
когда ручей неестественно клокочет,
когда сияние ночных ламп
оседает белой пылью в моих расширенных зрачках,
когда лепестки дней лейкоцитового цвета
вянут, вянут, вянут, вянут...

55. * * *

Я жизнь сплетаю поспешно и нелепо
из ритма торопливой походки.

Мой мозг, как чернозём, в свою благодатную ткань
впитывает дневную накипь впечатлений.

И руки в немыслимом напряжении дрожат,
бережно держа непрожитую ношу.

56. * * *

Блёстки снега – на твоих уставших губах,
на уснувших ресницах – ледяные капли...
Подожди, светоносная, не вычёркивай себя из моей жизни.

Неба выцветшие артерии и мышцы
переполнены предгрозовой и снегопадной дрожью...
Перевспоминай нашу совместную минувшую явь.

Снег и молния изменчивы, вычурны и преходящи...
Я неизменен. И потому сегодня брошен
в труднодышащие чащи сиюминутного сна.

57. СЛЕПОЙ

Не обращай внимания на моё имя.
Поэт – это ещё, как говорится, не всё.
Поэтому, когда тебе набегит двадцать,
люби того, кто не спит с открытыми глазами,
и днём, как слепой, не обжигает пальцы
о раскалённые созвучия строк.

58. Из цикла "МОРГ"

Мою плоть четвертует рёв мотоцикла,
в нём – твоего голоса реминисценция.
Мне не удастся их закабалить,
заставить продолжаться человеческой жизнью,
питать меня мыслями, переполнять роскошью
чувств; мне не удастся
открыть в тебе больше того,
что я уже открыл... Твоя ладонь
теперь не будет обжигать
мою грудь, моё лицо, мои...

Так тает мотоцикл на горизонте будущего.
Так растворяешься ты в глыбе прошлого.
Так нет окончания настоящему.

59. * * *

Ярываюсь на осколки,
словно достиг предела в напряжении:
высшей точки в мысленном зачатии?
Не выдерживает духовного буйства
моё собственно-единственное тело,
то ли плывущее, то ли скользящее
по своей (и не по своей) орбите.
Так в незримом (или зримом) прошлом
от пламени противоречий
взорвалась одна планета – развалилась...
Мне же остались только крохи,
эти извечные странницы и бессильницы,
обречённые на скитание по кругу.

60. * * *

Ты не исцелишь себя –
слишком многое исковеркано тобой:
стены комнаты обезжизнены,
глаза друзей обезличены.

Стынь в ладонях – искусственный лёд доброты.

Ты уже не исцелишь себя –
слишком многое искажено в тебе:
сердца уголь затушен собственной
кровью, кровью-ядом.

Сонь во взоре – виртуозная подделка счастья.

Ты уже и вовеки не исцелишь себя -
в ранах, нанесённых самому себе,
запеклись рубиновые отблески
зависти и жалости.

61. * * *

Светлеет.
Бусинки дождя
решают участь нашего желания.

Оно одно во мне, оно одно в тебе:
разбить стеклярус, рассыпанный неугомонной ночью.
по нашим лицам и безличиям.

И вырваться. И выбежать на берег,
с которого яснее-ясного видны

вселенная, планеты, люди, войны.

62. [* * *]

(танкэ)

•

Быть твоим младенцем,
держат в дёснах соски,
отпечатки любящих губ
ощущать на животе, на руках –
хочу.

•

Вся – лаконичный изгиб.
Такою представляю
в мысленном зачатъе
её, скрывающуюся
за маской счастья.

•

Прожитое – день:
вмещается в утро-вечер-ночь:
с восхода до заката – память,
остальное –
забвение.

•

Твоё тело сливается с кофейным
прибрежьем.
Море – там, а здесь
ветер и волны
жаждут завладеть тобой.

•

Глоток любви стоит целой жизни.
И ты не успеваешь
нужное выплатить –
часто
жизнь обрывается на...

63. * * *

Я помню, ты шла в даль
необозримо-необжитую,
с твоим зрачком сливался
лунный диск.

Я помню изгиб твоих ног,
мнущих полевую траву,
ласкающей атлас
твоей серебристой руки.

Я помню твоё тело,
его слиянье с горизонтом,
его исчезновение
медлительное, бессонное.

Я помню плач леса,
свечение твоих волос,
как перед наступленьем грозы -
ночной, вселенской.

64. * * *

Я не кляню ночи, которые
ты мне дарила щедро и безрассудно,
в которых было через край:
аромат твоего дыхания,
ломь пальцев, ураган волос...
И в которые мы впервые испытали
боль – облагораживающую и одухотворяющую.

65. * * *

Ходишь, ищешь себя, пытаешься что-то
приобрести, изменить. Наконец,
встретишь (кажется) любовь.
Потом, примеряя к себе
её головокруженье,
поймёшь: настала пора
заканчивать эту канитель.
И только теперь, когда
ушёл от всего, от всех,
в мозгу огоньком сигаретным
заискрится мысль: не дух,
не дух твой на свете жил,
а тело, ходячее тело.

66. * * *

Всё в угоду ей,
непознанной моей любви:
<нрзб> как сложный черновик,
перво-последней.

Скрывая себя от потока информации,
льющейся из клеток мозга на стену,
на полотно-экран, –
всё в угоду ей.

Сорву с тела своего нелепый плен,
глаза иссохшие напою тоской
до пресыщения, до отвращенья –
всё в угоду ей.

Пойду, укутав свою плоть

золототканым горизонтом,
туда, где выткано, —
всё в угоду ей.

Рождение и смерть: и я
всё равно всё отдаю
ей — неугомонной и
<нрзб> неподкупной.

67. ОДНОГЛАЗЫЙ КОТ

Поток — это люди,
когда они ненавидят
друг друга и давят котов.

На сорванной улице,
как на растоптанной ромашке,
плачут ресницы-лепестки.

И людям, и улицам
недостаточно зрения,
мало раковин-комнат.

И стёкла, и камни
падают, предвещая:
слепота, лепота, пота...

А кот, как прежде,
глазом безумия смотрит
из раковины проклятья.

68. * * *

И ты, отринутый,
сможешь себя исцелить от забвения
и от излишеств популярности,
если вырвешь собственное сердечко
из объятий себялюбия и пессимизма.

Ведь и ты, отринутый,
если разорвёшь продажную шкуру мании величия,
можешь вкусить в достаточной мере
пульсирующий перезвон полной чаши
славы и бесславия.

69. * * *

Не захлебнись, когда тебе скажут:
ты один и ты знаешь, что некому
посоветовать тебе, как (как!) лучше

обуздать оскал мироздания.

Наоборот, упругим лепестком
тянись, выпрямляясь и крепясь, вверх,
чтобы космос к тебе приближался,
а увядание – отдалялось.

Чтобы на зарнице спадающей,
сжав в кулаке интеллект вселенной,
не побояться его, как птицу,
выпустить на благовещенье.

70. СЕГОДНЯ

Ещё не все беды отошли.
И я – не весь
на пустошь человечью вылился.
И пальцы, полные огня и льдистости,
ещё взволнованы,
а в зрачках зреет зоркая беда,
поборница которой – память.

71. * * *

Спит вселенная. Планеты и галактики
продолжают свой осторожный бег
по наезженной колее орбиты.

Звёзды дышат чуть слышно, но мерно,
мягким светом охраняя
свой кратковременный и хрупкий сон.

Вселенная спит. Оплодотворённая... Завтра
ей предстоит самое ответственное:
окрыленье разума.

72. МНЕ НЕ УЙТИ

- α -

Утихнет боль ощущений.
И я, последний раз назвав
тебя по имени, сорвусь
с орбиты, словно голос, но
успею вспомнить: луна
не меня пронизывала взглядами
пепельно-пыльных глазниц,
не меня орошала сухим дождём безмолвия,
не меня коробила дымчатой мглой
словесных мук...

- 0 -

Лицо луны сквозь ночь –
за мною по пятам, но
мне не уйти, не отдалиться;
я знаю, это месть
за то имя, что брошено на полпути,
как боль, как растрата, как милость.
Сорвись, луна. Разбейся!
Мой голос взволнован
неторопливо нарастающим рассветом
словесных мук...

73. * * *

Любовь, как мать,
приносит тебе долгожданный
и ничем, никем, ни на что
незаменимый плод.

Любовью-матерью,
когда, сорвавшись с рельсов,
жизнь-поезд разрывается на части,
ты очищаешься, исцеляешься, испепеляешься.

Любви, одной, тебе всегда не хватает
на августовском небосводе лет,
как не хватает матери, матери, матери,
когда её уже нет на свете.

74. * * *

Я пьян...
и возле моего окна огненно-жгуче
колеблется куст поднебесной розы;

утром, подытожив своё и твоё,
присяду на сером камне крыльца;

тучи, дожди; как надломленный впервые,
ищу в лепестках успокоенья
...от любви.

75. АССОЦИАЦИЯ РОЗ

жёлтая

Ты первую была.
Медовою Сиреной
вошла в мой мозг,
звуча и разливаясь

восьмою нотой.
Все – пламенем расчёта –
сожгла шероховатости
моих пульсирующих рифм.
Исправила строку (строфу).
И праведную форму
вернула мне, когда
она уже становилась
почти потерянной.
Ты первую была.

красная

Не спи, Ка,
когда целую тебя,
ведь я не просто прика-
саюсь к коже твоей
мягко, сладко, слегка
губами, я прикасаюсь
к каждой артерии, к ка-
ждым крохотным ка-
пиллярам и венам твоего
карминного сердца.
Не спи, Ка.

белая

Луна и ночь –
сиамские сёстры,
непохожие друг на друга.
Когда одну преодолевают
маета безбрачия
и кипенная бесплодность,
когда она объята
сомнамбулическим
сном-маревом,
другая погибает...
Ночь. Луна.

голубая

Когда я возвращаюсь домой,
(откуда, зачем, почему?)
лазуревая морская даль
веет мне в лицо.

И ты шепчешь: каждый вечер
не стихающей волною,
набегающим приливом –
ни гневным, ни ласковым,
ни горьким, ни лакомым -

я буду тебя одаривать.

Ты поишь меня мотивом,
ты кормишь меня стихами,
как мать ребёнка грудью,
когда я возвращаюсь...

76. * * *

"Я буду только твоей" –
над сумраком плавно льются
слова
и тела пожизненно-нежная гладь
трепещет: "О, милый,
я буду только твоей".

77. ЭТЮД

Я полон далью. Что горизонт, что
костры!?
Мой город солнечен, как в полдень сосновый
лес.
И небоскрёбы издали напоминают иглы
трав.
Когда же лунные лучи ослепляют глаза
мои,
когда уходят корабли в марево,
когда,
казалось, сумерки охватили меня,
объятыем,
я вижу даль, насладиться кото-
рой
мне не дано, нынче, теперь, сейчас
с тобой...
Любимых нет. Их нет. Вовеки нет. Но город
мой
по-прежнему мне дорог и
близок.

78. * * *

И
луна, как взгляд совиный
лезет в глубь моего подсознания.

И
противен лес, противна
тишь в его подсознательной глубине.

И

негаданно-нежданно
суд над моей подсознательностью. Глубинный.

79. * * *

Последнее твоё письмо.
Я знаю, что за чернота скрыта в нём,
поэтому конверт не распечатан.

Последнее твоё письмо
то ли памятью, то ли сангиновой тенью
исполняет свою финальную песнь.

Последнее твоё письмо,
словно в августе выцветшее лето,
на моём столе пожелтело, пожухло.

80. НУ ВОТ

-А-

Ну вот – конечная станция.
Мы ехали со скоростью света
ровно год.
В вагоне остались двое:
ты и я.

-Б-

От света не убежишь,
хоть в точку сольётся мир,
хоть глаза закроешь.
Но мы это забыли.
Сложив в карманы прожитое,
надев на себя настоящее,
мы расстались не попрощавшись,
не помахав друг другу руками.
А поезд ушёл по расписанию:
в неизветном направлении.

-В-

Когда нас рожали матери,
они не думали
о нашем единении.
Об этом думаем мы:
в рисунках пыли ищем цвет зрачков,
жизнь солнца с биением сердца сравниваем,
смотрим на тени как на блеск волос.
И спешим: в неизвестном направлении.

-Г-

Подуло время.

На наших лицах сгладились морщинки.
Нам показалась близкой луна.

. . . . .
Со всех сторон ужася звёздный шёпот,
проникал в наши уши;
как цепь,
он больно-больно бил по сердцу.

-Д-

Последний вдох, первый выдох.
Ну вот – конечная станция.
В вагоне остались двое:
ты и я.
Мы ехали со скоростью света
ровно год:
в неизвестном направлении.

-Е-

Мы никогда не выйдем из вагона.
Не помним, что будет,
не представляем, что было.
Не живём, не умираем.
От света не убежишь,
хоть в точку сольётся мир,
хоть глаза закроешь,
и поедешь:
в неизвестном направлении.

-Ж-

А там, на земле, наверно, весна,
подснежниковый аромат,
пар.

И на губах – всплеск света.

81. * * *

Усложнились мы.
Каждый неосторожный поступок
одного
приносит сложную гамму переживаний
другому.
И нам ничего иного не остаётся,
кроме предельного напряжения
всего разнообразия наших
сопереживаний,
чтобы уцелеть самим и сохранить
нами возведённый мост
от сердца одного
к сердцу другого.

Но как страшны по весне
ледоход, разлив – крушение.

82. НЕДУГ

-а-

Я болен.
И ты, в который раз, смотришь в меня,
скорбя, сострада, сочувствуя.
Смотришь в глаза, но что –
мои серые глаза?
Они, как предвосходный горизонт, смутны
и, словно на закате лет,
светятся бессильно.

-b-

Труден мой ночлег.
Не боль томит меня – невыразимость, невнятность.
Я сплю – не сплю. И кажется
сердечный шёпот
зычным колокольным звоном.
Но ты не верь... Желанная, не верь ему.
Порой мне хочется подумать:
не вынесу и рухну. Жизнь... не эта...

-с-

Сегодня хуже.
Пожалуйста, хоть что-нибудь
скажи.
Пусть жуткое – я вытерплю.
Мне нужны фразы, мысли (шёпот),
ты же знаешь, твои слова
единственно твои
целебны мне.

-d-

А завтра...
Помнишь первый день?
Жара и мороз.
И улицы сверху бело-зелёные.
И тысячи незнакомых тел.
И лиц –
и лишь одно любимейшее.

Сказала ты: "Мне пора...".
И дни пошли, ночи полетели,

как снег и листья.
Или – как "я" и "ты",
когда "пожар потушен",
и мы радуемся жизни
на пепелище.

83. * * *

Ты часто шепчешь мне:
"Как случилось,
что прежде чужой человек
стал для меня самым близким".

Не знаю.

Видимо, устроенный мир,
сплетая нити судеб,
предчувствует: где и когда
соприкоснутся двое.

84. ПОСЛЕ ТОГО

Сегодня, придя домой, ты поймёшь,
что меня уже нет,
и что осуществилось
то, чего ты боялась больше всего.

После того, как прислонившись к стене,
ты, наконец-то выйдя из чёрной задумчивости
(потому что слёзы давно выплаканы),
неспешно промолвишь:
пусть мы не любили друг друга,
пусть в каждом дне – хоть ненависть, хоть злость,
но только бы ты жил.

85. ЖЕМЧУЖИНА НЕПРАВИЛЬНОЙ ФОРМЫ

#1

Меня сегодня выбросило на берег
из аметистового океана смерти.
Обсохнув, я поднялся.
И пошёл, оглядываясь на "море".
Какое жуткое многообразие жизни
пахнуло мне в лицо!

#2

Люди играли в деньги.
Ссыпали их в мешки,
в карманы, в сейфы...
Плакали, когда последний грош
приходилось положить в чужие руки.

Смеялись. Так смеялись, что
дома, простоявшие столетья,
превращались в лиловый песок.

#3

Потом сходились на словесный бой.
Решали: сколько, когда, как
и нужно ли?... впрочем, нет,
последнего вопроса не было.
Ведь производство смерти (любых расцветок)
им всегда сулило барыши.

#4

Подвальной ночью садились за столы.
Произносили речи, глотая взглядами
богатство тел фиалковых женщин.
Веселились. Плевали (с гордыней)
на прозябание миллионов,
на то, что здесь – пища отборная,
а там – отборные помои (*так в черновике*).
Они брякали пальцами по стулу,
постукивали челюстями, если
являлось то, что могло стать
крест на крест их каждодневным страстям...
И, осушив бокалы, встав, не оглядываясь,
скользили под одеяло.

#5

Так каждый день.
И доносились фразы
сквозь пение рыб,
молчание птиц,
скрежет травы,
колыханье камней:
рубцы на теле запеклись кумачовой кровью...
им всё равно, кого убить, сколько убить, когда...
тебе упиваться стоном... исходить болью...

#6

С тех пор, как я выброшен на берег,
прошёл ни день, ни месяц, ни год.
И я понял:
черёмуховая земля не перевернулась,
сиреневые океаны не пересохли,
я по-прежнему умираю.

LIBRES

Прохожие, исчезающие в подъездах, большей частью

спешат к столу предсонных размышлений. Трудно сказать, что их волнует прежде всего и на чём концентрируется их за день утомлённое внимание. Но я уверен, что им, как мне и тебе, хотелось бы, чтобы их аппетит был удовлетворён не только прозой, но и поэзией.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84 (4 Бей=Рус)-5
Р25

ISBN 985-6592-48-8

© БЛС "Полоцкая ветвь", 2006
© А. М. Раткевич, 2006

Литературно-художественное издание
Раткевич Александр Михайлович
ВЧЕРАШНИЕ ВЕРЛИБРЫ АВГУСТА
Стихотворения. Седьмая книга. Полоцк, 2005 – . . . с.

Рекомендовано к печати Советом БЛС "Полоцкая ветвь":
211400, ул. Гоголя, 15, Полоцк, Беларусь